

ISSN 0869-6063

Номер 3

Июль - Август - Сентябрь
2001

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Главный редактор
В.И. Гуляев

<http://www.maik.ru>

“НАУКА”

МАИК “НАУКА/ИНТЕРПЕРИОДИКА”

**Российская академия наук
Институт археологии**

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3 2001

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, Ю.Ф. Кирюшин,
В.П. Любин, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин, М.Г. Мошкова,
Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин, Б.А. Рыбаков, В.В. Седов,
А.А. Формозов, А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

В.И. Гуляев (главный редактор),
Х.А. Амирханов, Л.А. Беляев (зам. главного редактора),
А.Н. Гей, И.С. Каменецкий, Г.А. Кошеленко,
Н.А. Макаров, В.С. Ольховский (ответственный секретарь),
Е.Н. Черных

Заведующая редакцией
Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42

Москва
Издательство “Наука”
Международная академическая
издательская компания “Наука/Интерпериодика”

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3, 2001

К вопросу о культовых постройках халафской культуры <i>Т. В. Корниенко</i>	5
К истории горно-металлургического производства Колхиды <i>Г. В. Инанишвили, В. Г. Майсурадзе, Г. Г. Гобеджишвили, Т. П. Муджири</i>	18
К истокам скифского искусства: происхождение мотива свернувшегося хищника <i>Ю. Б. Полидович</i>	25
Ранняя Тверь по письменным и археологическим данным (по материалам из раскопок в Тверском кремле) <i>Н. В. Жилина</i>	35
Абсолютная дендрохронологическая шкала Твери XII–XV вв. <i>Н. Б. Черных, А. А. Карпучин</i>	46

Публикации

Погребения на стоянке Каравайха <i>А. В. Уткин, Е. Л. Костылева</i>	55
Новые вазы “керченского стиля” в собраниях крымских музеев <i>И. И. Вдовиченко</i>	67
К вопросу о позднескифских зольниках <i>Т. Н. Высотская</i>	77
Детали литых наборных поясов предсалтовского времени с “перевязанной” пальметтой из Болгарии <i>Б. Иванов, О. Пелевина</i>	88
Тюркское святилище Сугдеи <i>И. А. Баранов, В. В. Майко</i>	98

Заметки

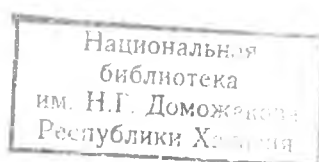
Новые находки каменных образков и матрицы прикладной печати из Вологды и Белоозера <i>Н. А. Макаров, А. В. Суворов</i>	111
Образок Святого Матфея с перегородчатой эмалью <i>В. И. Кошман</i>	118

История науки

Из истории отечественной археологической науки (несостоявшийся судебный процесс 1935 г.) <i>А. Ю. Ватлин, А. Р. Канторович</i>	123
---	-----

Критика и библиография

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н.э. Саратов, 1999 <i>А. А. Мальшев</i>	132
Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н.э. Саратов, 1999 <i>А. П. Абрамов</i>	137
Медынцева А.А. Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века. М., 2000 <i>В. П. Даркевич</i>	144

Amis Radīš. 10.–13. gadsimta senkapi latgalu apdzīvotajā teritorijā un Austrumlatvijas etniskās sociālās un politiskās vēstures jautājumi. Rīga, 1999 <i>V. V. Седов</i>	150
Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники бутовской культуры). М., 1999 <i>А. Н. Сорокин</i>	154

Хроника

Международная конференция “Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи” (Воронеж, 2000) <i>А. Д. Пряхин, Е. Ю. Захарова</i>	163
Конференция “Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций?” (Москва, 2000) <i>В. Ю. Коваль</i>	168
50-летний юбилей Хакасской археологической экспедиции <i>И. Л. Кызласов, Л. П. Мылтыгашева</i>	172
40-я региональная археолого-этнографическая студенческая конференция (Новосибирск, 2000) <i>А. Ю. Борисенко, Ю. С. Худяков</i>	182
Памяти Натальи Григорьевны Горбуновой (1927–2000) <i>Б. И. Маршак, Н. К. Качалова, Г. А. Брыкина, В. И. Козенкова</i>	184
Памяти Владислава Серафимовича Долгорукова (1940–2001) <i>Группа товарищей</i>	188
Правила для авторов	190

50-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ХАКАССКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Хакасская археологическая экспедиция была основана в 1950 г. Леонидом Романовичем Кызласовым – тогда аспирантом, ныне профессором Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, лауреатом Государственной и Ломоносовской премий. До 1993 г. экспедиция работала как учебно-исследовательское подразделение кафедры археологии МГУ (в 1955, 1957 гг. – совместно с ИИМК АН СССР, с 1978 г. – с Саяно-Алтайской группой, отрядом, экспедицией ИА АН СССР/РАН). В 1950, 1958 и 1959 гг. в организации работ принял участие Хакассский НИИЯЛИ, в 1956 и 1960 гг. – Тувинский краеведческий музей. С 1993 г. деятельность экспедиции всецело финансируется Советом Министров и Правительством Республики Хакасия, начальником ее стал д.и.н. И.Л. Кызласов, заместителем начальника – директор Хакасского республиканского краеведческого музея Л.П. Мылтыгашева.

Экспедиция провела свой юбилей в Республике Хакасия и использовала его как для дальнейшего укрепления позиций науки в самой республике и в Сибири, так и для повышения авторитета Хакасии в глазах российского научного сообщества. Все юбилейные мероприятия проводились совместно с Хакасским республиканским краеведческим музеем (директор Л.П. Мылтыгашева) и Хакасским НИИ языка, литературы и истории (директор В.Н. Тугужекова). Мероприятия продолжались девять дней и проводились за счет экономии бюджетных средств, предоставленных экспедиции Правительством Хакасии на исследование 2000 г., и благодаря существенной поддержке учреждений-спонсоров: Института аграрных проблем Хакасии (директор В.К. Савостьянов), Саяно-Шушенской ГЭС (ген. директор В.И. Брызгалов), Национального банка Республики Хакасия ЦБ РФ (председатель Р.З. Закиров), Министерства транспорта и дорожного хозяйства РХ (министр П.Н. Волков).

В юбилейной программе приняли участие ученые четырех научно-исследовательских институтов, двух госуниверситетов и четырех музеев из Абакана, Минусинска, Москвы, Санкт-Петербурга, Барнаула, Улан-Удэ, Владивостока и Улангома (Монголия). Программа состояла из четырех циклов.

Выставка “Печатные труды Хакасской археологической экспедиции” (30 августа–7 сентября,

г. Абакан) представляла 14 монографий и 9 научно-популярных книг, написанных за 50 лет, а также основные сборники статей и коллективные тома, в создании которых приняли участие сотрудники экспедиции. Почетное место среди них занимала первая в науке “История Хакасии с древнейших времен до 1917 года” (М., 1993), ответственным редактором и автором 13.5 печатных листов текста которой был Л.Р. Кызласов. За годы финансирования экспедиции Республикой Хакасия опубликовано шесть изданий. Археологические коллекции начали поступать в Хакасский музей уже в первый год работы экспедиции и ныне составляют основу соответствовавших фондов и экспозиции.

Конференция “Новые задачи изучения истории Южной Сибири” (31 августа–1 сентября, пос. Зеленое) открылась юбилейными приветствиями: Председателя Правительства Республики Хакасия А.И. Лебеда (адреса экспедиции и ее основателю Л.Р. Кызласову преподнес зам. министра культуры РХ Е.М. Аникин), Хакасского НИИЯЛИ (д.и.н. В.Н. Тугужекова), Алтайского госуниверситета (к.и.н. А.А. Тишкин, г. Барнаул), Музея Увс сомона Монголии (директор Х. Монхоо, г. Улангом). Поздравления продолжались и на другой день, когда прибыли представители Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (к.и.н. Б.Б. Дашибалов, г. Улан-Удэ) и Дальневосточного центра палеоэкологии (д.и.н. В.И. Дьяков, г. Владивосток). Приветствия поступили из Красноярска, Барнаула, Казани. В зале заседаний было много гостей из Абакана, хакасской интеллигенции, журналистов из местных газет, радио и телевидения.

На конференции заслушано и обсуждено 15 докладов археологов, историков и языковедов, так или иначе отразивших тематику работ Хакасской экспедиции и по характеру разделявшихся на три группы: 1) освещение роли ученых-предшественников; 2) подведение итогов и осмысление перспектив исследований; 3) демонстрация новых материалов и опыта сохранения древних памятников.

Работа началась с обширного доклада начальника экспедиции *И.Л. Кызласова* “Хакасская археологическая экспедиция и новые задачи изучения истории Южной Сибири”. Особенностью экспедиции является не только то редкое обстоятельство, что 50 лет древняя хакасская земля и вся Южная Сибирь изучается по единому замыслу, но и со-

храняемое единство подходов к задачам и источникам исследования. Экспедицию отличает *университетская* традиция археологической всеохватности: нет ни таких эпох, ни таких категорий древностей, которые не изучались бы ею – от палеолитических сборов и раскопок неолитических стоянок до исследования памятников XVIII–XIX вв. Другое своеобразие, которое определяет место экспедиции в пределах названной универсальности, – это московская университетская традиция исторической археологии, некогда выраженная А.В. Арциховским крылатой теперь фразой: “Археология – это история, вооруженная лопатой”. Отсюда и главный, вновь отличительный метод изысканий – комплексный подход к постижению проблем: применение данных археологии, этнографии, письменных источников, филологических, антропологических и прочих разработок. Главный результат такого исследовательского труда – воссоздание до того неведомой истории двух южно-сибирских народов: тувинцев и хакасов. Историзм подхода к разрешаемым проблемам закономерно потребовал широкой географии научных поисков: кроме Хакасии и Красноярского края, в разные годы экспедиция работала в Казахстане и Киргизии, в Туве и на Алтае, в Бурятии. Обнаружены и выделены древности и письменные источники, позволившие внести значительный вклад в познание истории северных и южных алтайцев, шорцев, чулымцев, тофов, хантов и манси, селькупов, уйгуров, киргизов, казахов, якутов, бурят, монголов и других обитателей Сибири и Центральной Азии. Существенно продвинуто изучение некоторых древних народов Средней Азии – прежде всего савков, тюркешей и карлуков.

И направления, и методы деятельности Хакасской экспедиции определяются ее принадлежностью к школе крупнейшего советского археолога чл.-корр. АН СССР С.В. Киселева, учеником которого является проф. Л.Р. Кызласов¹. В 1949 г. вышел в свет до сих пор не имеющий аналога труд Сергея Владимировича “Древняя история Южной Сибири”, впервые широко осветивший важнейшие этапы исторического пути огромного края, служившего на протяжении тысячелетий активнейшим центром культурного развития Евразии. Однако археологических и письменных источников для характеристики не только отдельных периодов, но и целых регионов было недостаточно или не было совсем. Возникшая на следующий год после издания книги С.В. Киселева Хакасская экспедиция осознанно начала разработку именно этих областей науки. Главной задачей явилась

¹ Список печатных работ проф. Л.Р. Кызласова и аннотированный перечень проведенных им полевых исследований по годам см.: Архипов Н.Д. Выдающийся сын земли Сибирской. К 75-летию профессора Л.Р. Кызласова. М., 1999. С. 52–82.

изучение истории Хакасии и в ту пору совершенно археологически не освоенной Тувы.

I. Для древних периодов назовем получение первых серийных неолитических материалов (1968–1969 гг.). В 1986 г. создан первый перечень неолитических местонахождений Хакаско-Минусинской котловины, дана новая оценка исторической роли этой эпохи. В 1970–1971 гг. впервые проведены раскопки вокруг древнейших каменных изваяний Евразии, открывшие тот тип археологических памятников, с которыми они были связаны изначально. Комплекс святынь с установленными каменными скульптурами или менгирами был отнесен к концу неолитической эпохи (началу III тыс. до н.э.) и назван тазминской культурой. Вопреки представлениям о наряженных и маскированных шаманах, доказано, что изваяния изображали мифы о возникновении и существовании Вселенной и воспроизводили образы первобытных божеств. Как бы в дальнейшем ни шло изучение их символики, в этой главной позиции исследователи отныне будут последователями Хакасской экспедиции. Ученые, продолжающие числить изваяния окуневскими, так и не рассмотрели II доводов об их ранней принадлежности, приведенных в книге Л.Р. Кызласова “Древнейшая Хакасия” (М., 1986). О серьезной проверке новых данных нельзя говорить, поскольку в литературе сохраняются прежние источниковедческие подходы: раз за разом исследуются только случаи вторичного использования в окуневских захоронениях плит с подобными изображениями. За прошедшие 30 лет ни один археолог не копал тех комплексов-святынь, в которых, как установлено Хакасской экспедицией, эти изваяния и менгиры доподлинно находятся *in situ*. Прочие экспедиции, занимаясь лишь спасательными раскопками, работают не по научным планам. Ряд археологов, выросших в договорных экспедициях, не только не умеет, но и не знает, что нужно работать иначе. Наука не может развиваться в условиях беспланового, случайного пополнения источников, целиком подчиняя свои программы проектам землеустроителей.

Осознанно восполняя пробелы в истории Хакасии, экспедиция проводила исследования не только привычных (афанасьевских, окуневских, карасукских), но и необыкновенных, непонятных до раскопок памятников бронзового века. Таков единственный на Среднем Енисее курган в кромлехе – 81-метровой дуге из гранитных менгиров с дополнительными осями, отмеченными стояками. Памятник, полностью раскопанный в 1984–1985 гг., кроме центрального ямного захоронения (обставленного плитами с резными изображениями), содержал погребальные каменные ящики, установленные на древней поверхности, и принадлежал, судя по находкам, к концу III тыс. до н.э., а по радиоуглеродному анализу человеческих костей из ящика 5 – к последней трети этого тыся-

челетия (2290 г. до н.э., определение Л.Д. Сулержицкого, ГИН РАН). Символика объекта осмыслена с привлечением данных палеоастрономии. Другие редкие изученные памятники – захоронение раннеандроновской эпохи, открытое на самой вершине горы Самохвал в устье Абакана (1984 г.), круглые курганы карасукской культуры (ст. Ербинская, 1971 г.), захоронения колесничего и его убитого слуги IX–X вв. до н.э. (могильник Узун-харых, 1985–1986 г.).

Совершенно новыми по форме надмогильной конструкции и обряду сожжения погребальной камеры явились тагарские курганы IV–III вв. до н.э. (урочище Сыхпа на р. Тёя, 1985–1986 гг.). Уникальна гробница грунтового таштыкского Оглахтинского могильника (1969 г.), содержащая кроме двух скелетов две погребальные куклы с прахом сожженных, полностью сохранившиеся зимние одежду и обувь, кожаные, шерстяные, шелковые и деревянные изделия, гипсовые погребальные маски. Раскопки прояснили, наконец, обрядовые особенности, отмечавшиеся ранее по незначительным остаткам в сожженных погребальных склепах – мешочки с прахом зашивались в специально создаваемые в полный рост куклы-манекены: внешне погребалось тело, а по сути вершился обычай трупосожжения. Таким образом, для раннего этапа таштыкского развития прослежены археологические следы редчайшего в человеческой культуре явления – слияния в консервативных канонах погребальных ритуалов давних местных (погребения мумий) и новых пришлых особенностей (сожжение тела на стороне). Уникальное соединение этих черт явно указывает на произошедшее смешение коренного населения (динлинов) с переселенцами (кыргызами-гяньгунями), которое названо китайскими летописями причиной формирования нового народа – древних хакасов. Значителен вклад экспедиции в систематику и хронологию древностей центральноазиатских гуннов.

Именно Хакасская экспедиция обосновала (1953 г.) существование особого тагарско-таштыкского переходного этапа (II – первой половины I в. до н.э.), выяснив новое историческое и культурно-эволюционное значение этого периода, целиком принадлежащего ко времени гуннского владычества в Южной Сибири. Ранее его памятники (пережиточно и сегодня – под названием тесинского этапа) понимались как последний этап тагарской культуры. Неоспорим новаторский вклад в постижение особенностей таштыкской археологической культуры на Енисее (вторая половина I в. до н.э. – V в. н.э.) в разработку ее периодизации и хронологии (Кызласов. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М., 1960). За прошедшие 40 лет ни одна из культур или эпох Южной Сибири все еще не описана с такой полнотой. Ныне нередки попытки отнести таштыкские древности к более позднему

времени. Однако они или не учитывают подтверждения прежней хронологии новыми радиоуглеродными данными, временными характеристиками новых гуннских материалов и прочих возросших сравнительно-типологических аналогий, или построены на датировке отдельных категорий инвентаря без анализа всех внутренних связей материальной культуры. Ошибочно рассматривать таштыкские древности как отдельное явление, вырывая их из сложной системы предшествующих и последующих культур, представления о преемственных связях которых не могут быть изменены.

С полным историческим основанием таштыкская эпоха называется Л.Р. Кызласовым “Сибирская античность”. Познание развившейся на ее основе средневековой цивилизации Южной Сибири обогащено экспедицией изучением культуры чаатас и, главное, открытием и исследованием ранее неведомых средневековых хакасских древностей – тюхтятской (IX–X вв.) и аскизской (вторая половина X–XVII вв.) культур. Носители их, возглавляемые династийным родом Хыргыз (Кыргыз), сыграли чрезвычайно важную роль не только в истории дорусской Сибири, но и, особенно в предмонгольское время, в истории всей лесостепной Евразии – от Восточной Европы до Восточной Сибири. Именно для аскизских памятников впервые в отечественной медиэвистике выработана хронологическая шкала, позволяющая датировать захоронения с точностью до четверти века. Трудными экспедиции древности Хакасии были соединены с материалами этнографии – традиционной культурой современного хакасского народа.

Одновременно с работами на Среднем Енисее экспедиция с 1955 г. вела широкое археологическое обследование Тувинской котловины (и именовалась Тувинской или Хакасско-Тувинской). Благодаря целенаправленности и интенсивности работ уже через три года была впервые в науке создана шкала всех древних культур, через пять лет – раннесредневековых, а через девять – всех средневековых культур Тувы. Систематизация и периодизация многообразных археологических источников региона завершилась в 1964 г. характеристикой курганных захоронений тувинцев XIX в. Закрыв до того зияющее белое пятно на исторической карте Южной Сибири, экспедиция продемонстрировала сохранение того уровня высокого профессионального мастерства, который был присущ лучшим представителям археологической науки предшествующего поколения – выделение археологических культур Хакасии было проведено С.А. Теплоуховым за девять лет (1920–1929 гг.). Соединение археологии со сводом письменных свидетельств привело к написанию Л.Р. Кызласовым “Истории Тувы в средние века” (1969). Подобной книги до сих пор нет ни для одного другого региона Сибири.

II. Работы Хакасской экспедиции привели к формированию нового направления исследований – к созданию *этноархеологии*. И хотя экспедицией задолго до возникновения осознанного интереса в других научных коллективах (скажем, в Омске) проводилось изучение этнографических памятников археологическими методами, издавались специальные работы, обосновывающие правомерность такой ученой деятельности и необходимость смыкания археологических материалов с данными этнографии², не эта область (вопреки принятому вслед за Западом) понимается докладчиком под термином этноархеология. По нормам русской речи (вслушаемся) этно-археология – это не этнографическая археология (этнографоархеология), как следовало бы именовать названные исследования, а этническая археология, т.е. определение этнической принадлежности конкретного круга древностей. Необходимость такой научной работы легко понять, если взять пример распространенного, но ложного обозначения всех культур раннего железного века Южной Сибири скифскими. Этноархеология, в приведенном истинном значении термина, вырастая в трудах Хакасской экспедиции в отдельное направление нашей науки, в собственно археологической части явилась продолжением традиции В.А. Городцова и, поскольку она немыслима без привлечения письменных источников, С.В. Киселева (воспринявшего историзм второго своего наставника С.В. Бахрушина). Л.Р. Кызласовым уже в 50-е годы впервые в сибирской археологии осуществлено этническое членение одновременных археологических памятников (культур) одной территории: от раннего железного века до средневековья включительно. Методика отработана на древностях Тувы, создана подчиненная ей форма типолого-хронологических таблиц. Этноархеологический подход, признающий сосуществование разных культурных традиций (следовательно, неоднородного по происхождению населения), сменил господствующий до того в сибиреведении эволюционистский принцип осмысления материалов (ср. текст и таблицы шкал С.А. Теплоухова, М.П. Грязнова и других исследователей). Ныне он общепринят, воспринимается как само собою разумеющийся взгляд на материальные остатки любой эпохи. Не забудем, однако, что благодаря ему Хакасской экспедицией выявлены древности целых народов (чиков тюркского и уйгурского периодов, тюрок древнехакасского и средневековых хакасов монгольского этапа истории Южной Сибири и т.п.), до того скрытые за обобщенно подаваемыми культурами господ-

ствующих общностей. С другой стороны, этот подход впервые выявил и межэтнические государственные культуры, нивелирующие важные области внешнего быта пестрого по крови и языку населения. Например, в едино воспринимаемых древнетюркских изваяниях впервые были выделены памятники I Тюркского и последующего Уйгурского каганатов. Оба государства приобрели набор отличительных археологических признаков: первое – труположения с конём, поминальные оградки и изваяния определенного канона, второе – города характерного облика, могилы с подбоями, изваяния иного типа и отсутствие поминальных оградок. Благодаря Хакасской экспедиции наука уяснила назначение древнетюркских изваяний, изображающих умерших, характер поминальных оградок, содержание термина “балбал” и других понятий. Тот же подход привел к выделению памятников древнехакасских культур. Трудом Хакасской экспедиции археологические материалы впервые становятся источником познания живого общения разных народов прошлого, сложных этногенетических и политических процессов древности и средневековья. Благодаря этноархеологическому подходу могут быть ныне сформулированы новые задачи поиска истоков культуры конкретных раннесредневековых народов или целых языковых семей.

Наибольшее продвижение здесь можно ожидать от привлечения историко-культурной лингвистики – историко-этимологического анализа исконной и заимствованной лексики. Соотнесение данных двух гуманитарных дисциплин (языковедения и этноархеологии) уже проделано Хакасской экспедицией в отношении монголоязычных народов (1975 г.). Ныне оно начато в тюркологии (1996 г.). Получаемые в этой области результаты порождают новый взгляд на сведения письменных источников раннего средневековья.

Другим новым направлением, успешно развиваемым Хакасской экспедицией в продолжение традиций С.В. Киселева стала *городская археология*. Вопреки старым взглядам на извечную для Сибири кочевую стихию, экспедиция обнаружила и с различной полнотой исследовала городские памятники тюркшей и карлуков (VII–IX вв.), 17 городов уйгуров (VIII – первая половина IX вв.), 2 города и ряд каменных крепостей средневековых хакасов (середины VIII–начала XIII в.), 6 городов древних монголов (XIII–XIV вв.). Этим открыт новый этап в истории южносибирской археологии, преимущественно изучавшей погребальные памятники. Опыт городских раскопок (только древнехакасские храмы раскапывались 10 лет) привел к полемому постижению давно известных кольцевых городищ Хакасии II–I вв. до н.э., оказавшихся древнейшими памятниками сырцового кирпичного строительства на Енисее. История архитектуры Южной Сибири насчитывает не менее 22 веков.

² Кызласов Л.Р. Роль археологических источников для изучения истории малых народов Сибири // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973 (то же // История СССР. 1975. № 6); Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск, 1992. С. 179–187.

Сегодня ясно, что жилые постройки здесь всегда были наземными и деревянными. Такое домостроительство подтверждено раскопками поселений переходного тагарско-таштыкского этапа, таштыкской, туюхтатской и аскизской культур, а другими экспедициями – для эпохи бронзы (афанасьевская, карасукская), а также тагарской и таштыкской культур. Полевое изучение постоянных поселений – первоочередная задача археологии Саяно-Алтая. Поселки не имели укреплений и должны быть отысканы и систематизированы с применением аэрофотосъемки.

Давно высказанная мысль М.П. Грязнова о курганах как остатках особого рода архитектуры воплотилась в систему раскопок, что позволило Хакасской экспедиции впервые установить единицы длины, используемые древними строителями, т.е. заложить основы саяно-алтайской метрологии. Тагарской культуре присуща “метрическая” величина, равная 100 см. Вероятно, она составлена из трижды взятых отрезков по 32,5–33 см каждый – “динлинской стопы”, послужившей модулем при сооружении кольцевых I и II Троицких и Знаменского городищ. Архитектурным модулем средневековых зодчих явился “древнехакасский локоть”, равный 40 см.

Изучение многочисленных каменных крепостей открыло местную фортификационную школу раннего средневековья – подавляющее большинство их сооружено с соблюдением единых архитектурных норм и применением “древнехакасского локтя”. Исследователям, относящим эти объекты к первобытности, предстоит объяснить четыре группы фактов: разновременность сделанных в однотипных сооружениях находок (принадлежащих к афанасьевской, окуневской и карасукской культурам); распространение крепостей в Туве, Монголии, на Горном Алтае и в Прибайкалье, т.е. за пределами той окуневской культуры, с которой они их увязывают; архитектурно-строительное тождество малых (с длиной стен в несколько десятков метров) и огромных крепостей, укрепления которых тянутся от 2 до 25 километров; военное применение якобы не предназначенных для боев сооружений вплоть до XVIII в. Все это вполне объяснимо при учете местной средневековой истории. Увлекаясь предположением о сакральной фортификации эпохи бронзы, раскопщики крепостей прошли мимо сделанного ими действительного открытия – обнаружения нагорных культов и приношений II тыс. до н.э. Много позднее на тех же вершинах были сооружены древнехакасские укрепления.

Раскопки городских центров привели Хакасскую экспедицию к одному из крупнейших открытий в современном востоковедении – к обнаружению и раскопкам серии манихейских храмов и святилищ VIII–XII вв. (1971–1981 гг.). Сомнения в

религиозной принадлежности выстроенных из кирпича монументальных культовых зданий устраняются совпадением археологических и архитектурно-строительных данных со свидетельствами трех независимых наук: истории, эпиграфики и филологии. Только в описанной Марвази, Шахристан и Демишки сабейской архитектурно-планировочной символике получают объяснения все особенности раскопанных сооружений. Среди енисейских рунических надписей ныне выделены 42 текста манихейского содержания, широко встречена и специфическая религиозная лексика. Открыты особые орфографические нормы, отличающие манихейское письмо рунами, свойственные и ряду енисейских надписей. Существование и официальный статус в Древнехакасском государстве манихейства не только коренным образом изменяет наши знания о духовном развитии раннесредневекового общества, но и объясняет многие особенности культуры, отмеченные наукой у современных народов Южной Сибири и Центральной Азии.

III. Таким образом, исследование городов закономерно породило еще одно направление, впервые археологически разрабатываемое Хакасской экспедицией, – историю мировоззрения и мировых религий. Распределяя открытые памятники по хронологии, получим следующий список открытий: 1) первый и ранний буддийский храм в Средней Азии (Киргизия, Ак-Бешим), конец VII в. (датировка ныне подтверждена итальянкой, изучившей в Японии китайские рукописи); 2) первая несторианская церковь в Средней Азии (Ак-Бешим); 3) первые и едва ли не единственные археологически изученные манихейские храмы (12 объектов, Хакасия, 60-е годы, VIII – рубеж XII–XIII вв.), манихейское кладбище в Семиречье (Ак-Бешим); 4) буддийские храмы XIII–XIV вв. и скальная кумирня этого времени (Тува, Межегей, Дён-Терек, Чаа-Холь); 5) два мусульманских кладбища XIII–XIV вв. (Тува, Элегест, Саадак-Терек); 6) ламаистская кумирня XVII в. (Хакасия, Тутатчиков) и ламаистские памятники тувинцев XVIII–XIX вв.; 7) культовые наскальные рисунки хакасов (среди них – шаманистские по содержанию), археологические проявления поклонения древним изваяниям в XVIII–начале XX в.

Для изучения буддизма экспедицией впервые привлечены письменные источники о существовании средневековых хакасов-буддистов (X в., Дуньхуан), выделена буддийская санскритская лексика в енисейских рунических надписях. Несторианство затронуту публикацией единственной надписи Южной Сибири, выполненной письмом эстрангелло на монете. С выделением енисейских рунических надписей манихейского содержания перед рунологией встает задача вычленения доманихейских текстов ради постижения особенностей предшествующего мировоззрения Саяно-Алтая.

Разработка мировоззренческих основ поклонения горам у хакасов привела к постижению духовного содержания многих категорий древних памятников: курганов, пещерных святилищ, поминальных стел и изваяний.

Заслуги экспедиции в изучении первобытного мировоззрения состоят в открытии восходящих к мезолиту святилищ с изваяниями и менгирами, в постижении их символики, семантики тагарских курганов и таштыкских поминальных стел, в выделении писаниц гунно-сарматского времени. Открыто огнепоклонство для завершающего этапа тагарской культуры (посмертные сожжения в урочище Сыхпа), раскопаны круглые храмы-святилища неведомой религии, относящейся к тагарско-таштыкскому переходному этапу. Уникальны находки погребальных кукол – манекенов в полный человеческий рост и доказательства таштыкской принадлежности наиболее раннего на сегодня наскального изображения шамана с бубном на оз. Тус.

Важнейшим источником постижения особенностей сибирского средневекового общества являются местные рунические надписи – область *эпиграфики*. Экспедицией много сделано для превращения рунологии в науку: постоянно добываются источники – открыто, переведено и опубликовано весьма значительное их число (только в 1994 г. найдено 10 текстов); в исследование памятников на месте привнесены специальные источниковедческие процедуры – методы натуральной прорисовки надписей-граффити (полученные копии используются тюркологами, начиная с С.Е. Малова); проделана палеографическая систематизация надписей Евразии (1990 г.), выявившая ряд самостоятельных рунических алфавитов (для Южной Сибири – енисейского, орхонского и южноенисейского) и их локальные варианты (три разновидности енисейского письма); заложены основы историзма в палеографии (1960 г.) – определены датировка и этническая принадлежность памятников енисейской письменности, в корне изменившая восприятие азиатских надписей филологами; выработаны признаки этнокультурной принадлежности каждого енисейского письменного памятника (с их публикацией будет положен фундамент изучения особенностей раннесредневековых тюркских языков Саяно-Алтайского нагорья). Разработана новая гипотеза происхождения и древнейших особенностей развития азиатской рунической письменности. На очереди обобщение полученных данных и сводное издание письменных памятников.

Важнейшие достижения принадлежат к области южносибирской истории. Хакасская экспедицией впервые собраны и обобщены многочисленные летописные свидетельства о Сибири и Центральной Азии: китайские, персидские, арабские,

тюркские, греческие, западноевропейские и русские. По полноте собрание таких сведений по истории Хакасии и Тувы значительно превосходит историографию иных сибирских территорий. Совокупность археологических и исторических данных привела к отказу от готовых умозрительных схем, столь присущих предшествующему сибиреведению и кочевниковедению. Древняя и средневековая Сибирь впервые предстала перед миром как центр исторической активности народов с богатейшей культурой, письменностью, городской цивилизацией, комплексным хозяйством, основанном на бурном развитии металлургии, орошаемого земледелия, скотоводства. Открытые экспедицией древнейшие культурные связи региона (Великий нефритовый путь эпохи бронзы) показывают, что так называемое скифо-сибирское единство и последовавшие за ним гуннское, тюркское, а затем и славянское глобальное распространение были закономерными, но частными случаями постоянно проявляющейся общности евразийского масштаба. Оказалось, что родовой строй в Южной Сибири окончился еще в бронзовом веке, государственность сложилась в конце раннего железного века и уже тогда отличалась космополитизмом знати и разветвленной жреческой культурой. Комплексное хозяйство Тюркского и городская культура Уйгурского каганатов сменили строго продуманное государственно-административное устройство гуннского общества. Важнейшим достижением явилось фактическое открытие Древнехакасского государства – одной из наиболее развитых средневековых стран лесостепной зоны Евразии. Эта мировая держава, возглавлявшаяся династийным родом Кыргызы, – закономерный результат развития саяно-алтайской цивилизации. Она более пяти веков не только объединяла в политическом, экономическом и культурном отношении многочисленные народы Южной Сибири, но и проводила активную внешнюю политику, осуществляя связи со странами Дальнего Востока и Средней Азии. Экспедицией открыты прямые связи Саяно-Алтайского нагорья с Восточной Европой (Волжской Болгарией и Русью), существовавшие задолго до монгольского нашествия. Столетнее сопротивление, оказанное южносибирской страной этому вторжению, имело для нее губительные последствия, однако ее накопленная экономическая мощь и отлаженная государственная система продолжали определять судьбу Сибири от Оби до Байкала вплоть до включения этих земель в Российское государство в начале XVIII в. Одним из результатов исследований стал впервые разработанный экспедицией проблемный лекционный курс “История культуры тюркоязычных народов в домусульманский период”, читаемый с 1991 г. в различных университетах страны.

Докладчик считает, что объективным показателем значительных исследовательских успехов

Хакасской экспедиции является также ее эпигонство, сложившееся в целом внешне солидное направление. И в Европейской, и в Азиатской России возникло немало специалистов по размену любых достоинств на искомые или даже заданные недостатки. Недоброжелатели отличаются методом “трусливой историографии” – умалчивая источник своих знаний, они заменяют термины предшественников и перелагают их открытия и идеи; двигаясь по пятам, они старательно заменяют в библиографиях творческие работы своими многочисленными, но лишенными оригинальных мыслей публикациями.

Коллекции, полученные Хакасской экспедицией при раскопках, стали заметным вкладом в экспозиции местных и центральных музеев России. Экспедицией обучены сотни студентов-историков, подготовлены десятки первокурсных специалистов-археологов, многие из которых стали кандидатами и докторами наук. Особо значима также постоянная и многообразная просветительская деятельность, отличающая Хакасскую экспедицию. Труды экспедиции изданы на 20 языках народов мира.

Д.М. Карачаков (ХакНИИЯЛИ) назвал постоянной отличительной чертой Хакасской экспедиции работу в тесном контакте с Хакасским НИИЯЛИ. Труды экспедиции во многом обеспечены успехи в изучении древней и средневековой истории Южной Сибири – именно ею предоставлены неоспоримые доказательства того, что эти земли стали важным очагом человеческой цивилизации. И, наконец, во многом благодаря многолетней последовательной работе этой экспедиции хакасский народ восстановил свою историю. Затем в докладе “Некоторые штрихи к портретам ученых-археологов, изучавших Южную Сибирь” он, подчеркивая необходимость осознания индивидуальности в научном творчестве, особо выделил и конкретными примерами обосновал стойкую традицию демократизма, доступности, открытости и особой душевной близости заботам коренного населения, привнесенных в Хакасию чл.-корр. АН СССР С.В. Киселевым. Ее в полной мере продолжил Л.Р. Кызласов, деятельность которого во всем наполнена любовью к родине. Такое поведение далеко не всегда отличает иных специалистов, приезжающих на Енисей из центральных или сибирских учреждений.

В.Е. Майногашева (ХакНИИЯЛИ) в своем выступлении также прежде всего уделила внимание человеческим качествам создателей московской археологической школы сибиреведения. Она особо отметила присутствие силы духа у исследователей школы С.В. Киселева. Энергия и могучий интеллект Л.Р. Кызласова, по ее мнению, привели к тому, что труды Хакасской экспедиции служат примером разрешения многих сложнейших во-

просов для ученых, работающих над историей соседних сибирских народов.

О.В. Субракова (ХакНИИЯЛИ) отметила, что другой отличительной чертой Хакасской экспедиции являются постоянные исследования памятников древнетюркской рунической письменности и в докладе “Отношение хакасского языка к языку древнетюркской письменности” на конкретном материале показала возможности решения одного из основных вопросов исторической тюркологии – определения места языка рунических надписей в эволюционном ряду тюркских языков. Обсуждение доклада сосредоточилось на возможности прямого сопоставления современного разговорного языка с литературным письменным языком древности. Следует заметить, что язык рунических памятников уже в ту эпоху мог принадлежать к законсервированной внутри образованной тюркоязычной среды архаичной форме нормированной письменной речи (первоначально, вероятно, сакральной). Эта “древнетюркская латынь”, как показывают енисейские надписи, не соответствовала по крайней мере фонетическим особенностям конкретных живых языков Саяно-Алтая VIII–XIII вв.: разговорная речь древних хакасов, например, принадлежала к так называемым мен-диалектам и з-языкам, а речь чиков Тувинской котловины отличало звонкое начало (гадаш вместо кадаш и т.п.).

С.Н. Леонтьев (Минусинский музей) в докладе “Образ мужского божества в мелкой пластике окуневской культуры”, основываясь на собственных раскопках, по-новому истолковал одну из разновидностей мелкой пластики, специально рассматривавшейся в исследованиях Хакасской экспедиции в 1956 и 1986 гг. В отличие от предшественников исследователь считает стержневидные изделия, завершающиеся человеческой головкой, мужскими изображениями.

В.В. Горбунов (Музей археологии Алтайского государственного университета) в обширном, хорошо иллюстрированном докладе “Оборонительное вооружение Лесостепного и Горного Алтая в III–XIV вв.” впервые преодолел отличавшую тему былую историковедческую узость и схематизм подхода и на основании вещественных, изобразительных и, в меньшей мере, письменных источников показал длительную историю доспеха и человека, и коня. Справедлив вывод исследователя о регулярности армии, снаряженной таким образом, и, следовательно, о развитой централизованной власти, существовавшей в Южной Сибири на всем рассмотренном промежутке времени. Дополнительные изыскания, однако, необходимы для уточнения датировки ряда привлекаемых наскальных рисунков: изображения позднего средневековья и нового времени, на наш взгляд, не достаточно явно

отчленяются докладчиком от изображений раннего средневековья.

Б.Б. Дашибалов (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН), начиная доклад “Среднеазиатские купцы в Баргуджин-Токуме”, отметил, что первые мусульманские древности, свидетельствующие о пребывании среднеазиатских купцов в Южной Сибири в XIII–XIV вв., были выделены Л.Р. Кызласовым на территории Тувы (кладбища Саадак-Терек и Элегестского городища), Прибайкалья и Забайкалья (Унгинское и Темниковское поселения). Затем, опираясь на материалы все еще не опубликованного Темниковского поселения, докладчик на новых находках надежно обосновал факт более широкого проникновения таких купцов в Забайкалье – среди материалов Баргузинского и Шохтойского поселений представлены и характерная керамика, и типичные светильники-чираги. Особенно интересно, что практически на каждом из степных участков Прибайкалья и Забайкалья ныне обнаружена такая мусульманская колония XIII–XIV вв. Автор убедительно связывает это с государственной организацией торговли в монгольской державе и особой официальной протекцией, оказываемой в ней мусульманскому купечеству.

Т. Бямбадорж (Музей Увс сомона), сделавший подробный “Очерк исследования культурно-исторических памятников на территории Увс сомона”, щедро представил в различных иллюстрациях наиболее распространенные виды древностей различных эпох: наскальные рисунки, оленные камни и раннесредневековые изваяния, курганы-керексуры. Мысль докладчика о необходимости изучения тех представлений и обрядов коренного населения, которые связаны с исследуемыми археологией памятниками, несомненно, заслуживает и внимания, и поддержки. Результаты раскопок одного из керексуров, продемонстрированные ученым, по мнению собравшихся, показали наличие в этом древнем памятнике впускного погребения XVIII–XIX вв.

А.А. Тишкин (Алтайский госуниверситет), полагая, что результаты полевых работ последних лет позволяют обсудить “Перспективы изучения монгольского времени на Алтае”, представил конференции обзор историографии и состояния источников, а главное, серию захоронений, относимых исследователем к XIII–XIV вв., и предложил методы, облегчающие их распознавание и поиски. Обсуждение доклада было направлено на отчленение обрядовых признаков собственно монгольских захоронений, достоверно известных лишь благодаря раскопкам С.В. Киселева в Забайкалье (Окошко), Л.Р. Кызласова в Туве (Чурумал), В.В. Волкова в Монголии (Каракорум) и до сих пор не имеющих подобия на Алтае, от памятников той же эпохи, но оставленных иными народами. К по-

следней категории принадлежат продемонстрированные докладчиком погребения.

С.М. Тотышев (ХакНИИЯЛИ), отметив, что исследования Хакасской экспедиции распространяются и на анализ письменных источников XVII – начала XVIII в., а общественная деятельность затрагивает проблемы сегодняшней Республики Хакасия, посвятил свой доклад теме “Присоединение Хакасии к России и национально-государственное строительство хакасского народа”. Выступление носило скорее публицистический характер. Автор справедливо продемонстрировал существование давней традиции Российского государства не принимать во внимание особенностей восприятия родной земли коренным населением Хакасии, приводящей сегодня в процессе активной арендной политики к попранию как истари почитаемых мест, так и исконных земельных прав жителей в целом. При обсуждении доклада собравшиеся особо подчеркивали необходимость строгой аргументации каждого положения, высказанного от лица науки.

Затем конференция обсуждала новые полевые и методические материалы.

Э.Н. Киргинев (Хакасский госуниверситет) в докладе “К вопросу об охране памятников Хакасии” изложил принципы восстановления облика разрушенных людьми и временем курганов тагарской культуры. Активное обсуждение вопроса сформировало общее мнение: наука обязана строжайшим образом различать подлинное и имитированное. Водружать упавшие плиты тагарских курганов оград, как и восполнять новыми несохранившиеся следует только в случае чрезвычайной степени разрушения памятника на окраинах или в самих деревнях. Только тогда в воспитательных и культурно-просветительных целях оправдано такое создание макетов в натуральную величину, каковыми на деле будут подобные сооружения. В идеале эти музеефицируемые курганы должны быть изучены раскопками. В остальных случаях своевольное вмешательство в состояние реального древнего памятника, невольное, но неизбежное искажение подлинного археологического источника недопустимо. Реконструкция тагарских курганов предполагает целую программу детального изучения облика их каменных оград и менгиров, исследования техники и приемов их строительства, выявления применявшихся мер и пропорций, особенностей ориентации сооружения, закономерностей размещения переиспользованных древних изваяний и сюжетного своеобразия высекавшихся на плитах рисунков и изображений, тщательной систематизации всех подобных данных, а также поиска каменоломен, поставлявших камень для каждого могильника или объекта и тому подобных изысканий. Особого осмысле-

ния требуют и семантика, и символика тагарского кургана.

Е.Д. Паульс (Институт истории материальной культуры РАН) выступил с обширным по проблематике и тонким по подходу эссе “Изобразительная аллегория в образе пантеры и оленя (ранний железный век)”, направленном на осознание опасности привнесения современных воззрений в восприятие смысла древних памятников. Таковой докладчик видит во всех сферах осмысления археологических материалов: от сюжетов декоративно-прикладного искусства до формы курганных сооружений. И хотя многими присутствующими такая позиция была воспринята как чрезмерно скептическая или даже нигилистическая (действительно, конкретные интерпретации должны и могут быть проверены соответствующими источниковедческими процедурами), нельзя не признать общеизвестную ограниченность нашего познания, обусловленную особенностями самого археологического материала. Докладчик приветствовал также включение древних образов в современную национальную символику, использование их в гербах и на флагах. Заметим, однако, что такая процедура должна проводиться без спешки и с тщательным соблюдением присущих геральдике законов.

А.А. Тишкин (Алтайский госуниверситет) в докладе “Березовая Лука – памятник рубежа III–начала II тыс. до н.э.” познакомил конференцию с интереснейшим памятником протогородской культуры, открытым и широко изучаемым в бассейне р. Алей. Отмечая высокий уровень производимых работ и многосторонность анализа получаемых материалов, следует пожелать автору и его коллегам дальнейших успехов в исследованиях, открывающих совершенно новую и чрезвычайно важную страницу истории Южной Сибири.

В.В. Горбунов (Музей археологии Алтайского госуниверситета) в докладе “Памятники могильника Филин” познакомил с результатами спасательных раскопок курганов срубчинской культуры, содержащих весьма интересные особенности погребальной конструкции и обряда, а также богатый и разнообразный инвентарь. В составе находок из кургана I могильника Филин-I присутствуют бронзовые бляхи и наконечники ремней, по нашему мнению, тюхтятской культуры, попавшие на Обь в результате контактов с древними хакасами. Эти изделия позволяют относить захоронение не ко второй половине X – первой половине XI в., как полагает автор работ, а к несколько более раннему времени, – ко второй половине IX–X в.

В.И. Дьяков (Дальневосточный центр палеоэкологии) в докладе “Исследования памятников на реке Петровка (Шитухе)” поделился результатами изучения весьма редкой для Приморья кате-

гории древностей – курганных насыпей (памятник Петровка-9), культурную принадлежность которых установить еще предстоит. Второй объект (Петровка-5), раскопанный ученым в настоящем сезоне, также привлек общее внимание: он оказался остатками буддийской кумирни XII в.

Полевой семинар “Особенности изучения древностей Южной Сибири” (30–31 августа, 2–5 сентября) имел цель ознакомить профессиональных археологов различных научно-исследовательских, университетских и музейных центров Сибири, Дальнего Востока и Монголии со всеми категориями древних памятников, существующих на хакасских землях: курганами и грунтовыми захоронениями, пещерными стоянками и открытыми поселениями, глинобитными и каменными крепостями, наскальными рисунками и надписями, менгирами и изваяниями, местами добычи строительного камня и возведенными из кирпича храмами, а также методами их исследования, применяемыми Хакасской экспедицией.

Были продемонстрированы памятники всех археологических эпох: мустье, тазминской (изваяния, переиспользованные на тагарских, тагарско-таштыкских переходных курганах и мавзолеях чаатасов), афанасьевской, окуневской, андроновской, карасукской, тагарской, тагарско-таштыкского переходного этапа, таштыкской, чаатас, тюхтятской и аскизской.

Экскурсии проводились в окрестностях г. Абакан и в двух отдельных направлениях: по долине Енисея и по долине Абакана. Они охватили как Южную (до рек Уйбата и Камышты), так и Северную Хакасию (до Черного Июса). Пройдены маршруты: чаатас и тагарские курганы на оз. Кызыл-куль; крепости и рисунки на горе Куня; Оглахтинская крепость – Оглахтинский могильник, карасукские и тагарские курганы Саргова лога – грот Двухглазка – тагарские курганы на р. Толчая – Копёнский чаатас – рисунки тагарско-таштыкского этапа на курганах по р. Тесь – Большая и Малая Боярские писаницы – Боярская писаница над с. Троицким – кольцевое I Троицкое городище – могильник в логу Мангырном (тагарско-таштыкские курганы с изваяниями, таштыкский грунтовой могильник и склепы, поминальный ряд) – афанасьевский, андроновский и карасукский могильники близ с. Соленоозерного – Сулекская писаница, тамги и рунические надписи – крепости, одновременные рисунки, руническая надпись на г. Озерной – крепость на г. Хызыл-хая на р. Черный Июс – таштыкские писаницы у с. Подкамень; курганы, парные менгиры (“ворота”), рисунки и руническая надпись в Салбыкской степи, Большой Салбыкский курган – тагарская каменоломня в г. Хызыл-хая; тагарский курган Узуноба, рисунки и надписи на его стелах (р. Уйбат) – тагарский Хара-курган, рисунки и руническая над-

пись (р. Уйбат) – Абаканский чаатас – изваяние близ бывшего улуса Кулагашева (р. Абакан) – руины манихейских храмов VIII–XII вв. близ улуса Тутатчикова.

По ходу движения и при ознакомлении с объектами шли интенсивные обсуждения основных проблем полевой археологии и применяемых в ней методов. Особенно горячо обсуждалась проблема охраны и истинно культурного использования древностей. Работа полевого семинара, как и ожидалось, оказалась весьма полезной не только для приезжих археологов, но и для сотрудников Хакасской экспедиции.

Итоги юбилейных мероприятий были подведены на пресс-конференции, участники которой призвали Республику Хакасия максимально беречь и использовать для культурной и научной деятельности свои уникальные древние богатства, имеющие международное значение и давно ставшие классическими для археологической науки. Они должны войти в народное сознание, необхо-

дима разработка направленной на это особой государственной программы. Рекомендовано также, используя достижения Хакасской экспедиции, множить квалифицированные археологические кадры и проводить подобные полевые семинары, повышающие уровень знаний участвующих в них археологов-профессионалов.

Четвертым разделом юбилейной программы стало ознакомление участников с экспозицией и археологическими фондами Хакасского республиканского и Минусинского межрайонного краеведческого музеев (30 августа, 6–7 сентября – г. Абакан, 6 сентября г. Минусинск).

Неожиданным и очень приятным оказалось значительное число людей и организаций, содействовавших исследованиям 2000 г. и юбилейным мероприятиям Хакасской археологической экспедиции, – всем им и Правительству Республики Хакасия экспедиция приносит искреннюю благодарность.

Институт археологии РАН, Москва
Хакасский республиканский краеведческий музей

И. Л. Кызласов, Л. П. Мылтыгашева